

Дмитрий Петров
Сказки Александра Мы

«Издательские решения»

Петров Д. А.

Сказки Александра Мы / Д. А. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852070-9

В стопке из сказок для каждого праздника тихая радость и громкая грусть, вопли и вздохи и самая лучшая сказка не сложена ещё, ну и пусть. Когда же достигну свободы от творчества, в космосе сгину я, встретив рассвет. Напрочь забуду свои же пророчества И сочиню для вас новый сюжет.

ISBN 978-5-44-852070-9

© Петров Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о моряке и мурке	6
Маленький предатель	9
Звездочёт	11
Из ресторанов в космос не летают	14
Проехали!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сказки Александра Мы

Дмитрий Александрович Петров

© Дмитрий Александрович Петров, 2017

ISBN 978-5-4485-2070-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Со временем мне стало представляться, что жизнь – это кусочки, которые записал мой «внутренний оператор». Куда уж жизнь режиссера загонит. А вот миг – и внутренний голос шепчет – пора жать REC:

пиши в память, запоминай – это на всю жизнь...

Так вот, все, что будет ниже (ну или глубже – как посмотреть) – именно такие кусочки плёнки.

Предупреждение:

Их можно было бы назвать «Наблюдения». Почему же «Сказки»?

Обратите внимание:

Когда пишу: я делал то-то, сказал так-то, а подумал про это – это наблюдения.

Но простейшая манипуляция – я просто пишу: жил-был он, делал то, творил так и сяк – и это уже сказка.

Вот и всё. Другой разницы нет. Ведь сказки и наблюдения про одного и того же человека, только взгляд с разных сторон.

А что касается провидения,
то на этой дороге прошлое, настоящее, будущее, «если», «может быть»
сходятся вместе и перемешиваются.
Так что если что – извините...

Сказка о моряке и мурке

Сказка о моряке и мурке. Тьфу, о рыбаке и рыбке.

Ночь. Гудят турбины. Экипаж расслаблен и доволен. Тут – любимая работа. Там, внизу – всегда любящие (летчиков всегда любят) женщины. Капитан любит звезды, как дальнотбойщик обязательным плакатом фотомодели в купальнике на стенке кабины.

И вот, от звёзд он машинально переводит взгляд вниз и также видит звезды.

– Штурман! Оторвитесь от мыслей про женщин. Штурман, что это за звезды под нами?

– Пилот, как это под нами? Вы сделали манёвр «бочка»? Или кто-то прорезал в Земле дырку, и через неё видны звезды на дневной стороне?

– Все то мысли про дырки, штурман. Это звезды на земле!

– По карте над нами большое озеро. Видимо, отражение.

– А по календарю зима. И лёд. Какое отражение? Это же не море.

А уральским то мужикам как без моря?

Скорей бы лёд встал. Пошёл бы тогда на рыбалку.

Вот и тянутся сюда со всего Урала: от Перми до Челябинска.

И не мудрено: на берегу знаменитая Рефтинская ГРЭС, которая топит электричеством половину Урала и само озеро. Рыбке там раздолье, как в термальных банях.

Ну и греет та рыбка надежды мужиков.

Если ночью зимой (а темнеет там зимой рано – в обед) вы выйдете на это озеро... А идти там, как по поверхности Луны: так же легко и хрустяще. Отражения резкие, как от матушки Земли (то от ГРЭС свечение). Ну а вибрации, словно на Луне давно подземная колония развивается.

Так вот, если выйдете на озеро, то увидите сотню светящихся домиков. Домиков полных надежд. Силуэты неподвижные. Заглянем в палатку. Как гномы с фонариками, сидят молчаливо мужчины. Лишь иногда лопатка по свежему льду звякает.

Чего бы поймал – знакомым раздал, не жалко.

Заглянем в ведро – лишь мелюзга серая (будет что жене как алиби предъявить): нет золотого блеска.

Жены не ревнуют к такой красавице? Так же, как не ревнуют мудрые к журнальным эротическим красоткам.

Елки на льду с нового года понатыканы, словно молодая рожица (не все под телевизионное обращение президента встречают).

Луна появилась и лезет настырно всё выше и выше.

Светящиеся палатки – точь-в-точь базовый лагерь под Эверестом, только туалетов нет. И альпинисты – ищут счастье где-то за облаками. А тут – под самыми ногами.

Сидят над лунками, словно медитируют. Как монахи в тишине. Но не «оуммм» хочется им услышать, а «ням!»

На далекой планете так у лунок ждут материализации чудес Сталкеры.

Чего же ждут?

Не лохнесское чудовище, нет. Но рыбку одну. Как в сказке: этому дала, этому дала...

И ведь давала же раньше. Вот и сидят – надеются. И будут сидеть – коль дома старуха.

Древнегреческий Сократ советовал: «Женись, конечно. Не повезёт с женой – станешь философом». Русский же вторит – станешь рыбаком.

Сейчас со всей мочи завою с тоски – никто не услышит.

В те времена, когда еще были аттракционы за 15 копеек, существовало такое японское чудо: игрок стоит перед полем 5 на 5 лунок, в руках колотушка. Задача: когда из какого-то отверстия вылезает крот, надо максимально быстро загасить его колотушкой. Чем эффективнее стучишь, тем дольше продолжается игра. Однако японцы не учли чувство локтя: с трех сторон вставали друзья и просто кулачком забивали всех кротов в ответственном секторе. Это можно было продолжать вечно. Мужская игра. Видимо, для многих и сейчас принцип тот же: стукнуть по мозгам.

Но не на озере. Ко льду отношение чуткое, нежное. Все же под ногами вода.

Ой-йо... ой-йо... ой-йо... Никто не услышит.

К чему это я?

Девочки, девушки, женщины! Если ищете мужика – найдёте его на сказочном озере. А заодно слух о золотой рыбке подтвердится.

Вы не бойтесь – у них у всех печки стоят – обогреют и сердцами горячими согреют.

Почему я рассказываю? Сам много раз ходил в то озеро, как старик с неводом.
Но не за рыбкой золотой. За рассказом:

Заброшу мысли и возвращаюсь с новым сюжетом.

А уж какой Джин вам из той бутылки достанется – не мне решать.

Вы трите, трите.

Маленький предатель

Говорят, анатомически шеи свиней устроены так, что они НИКОГДА не видят неба. Так и живут, упершись взглядом лишь в грязь на земле.

Вот он, маленький мальчик. Как и положено – в шортиках. Изнашивает уже третью в своей жизни пару сандалей. Семейный праздник. Гости развлекаются:

– Кем ты станешь, когда вырастешь?

– Космонавтом!

Вот он же на детском утреннике со сцены в костюме космонавта декларирует:

В космосе так здорово!

Звёзды и планеты

В чёрной невесомости

Медленно плывут!

Вот он уже в старшей школе. Медкомиссия смеется над ним: какой космос – даже в армию не возьмут.

– А я все равно пойду в космос! Меня же ждут звезды!

Вот он теперь в институте на физфаке – учит сложные формулы. Вот на фоне портрета Циолковского доказывает возможность наблюдения темной материи непосредственно через взаимодействие плазмы белого карлика и черной дыры...

Вот он закончил институт, на него молится вся страна. А мир – завидует. Он буквально – мозг нации.

Но... вот он приходит в научный институт. Скука, грязь, уныние. Реальность отличается от фантастической красоты космоса.

И он уходит. Банально – но уходит в банк. Те же графики и формулы. Очки на переносице:

– Аviso демпинговой инвестиции констатирует креатуру протекционизма, который резюмирует стагнации...

Снова овации и надежды людей.

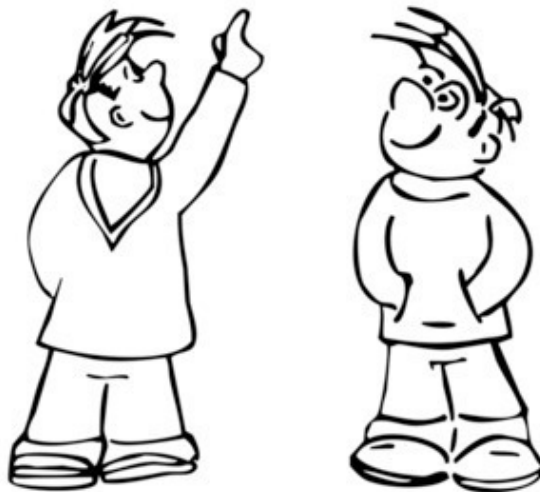
Свой водитель, свой кабинет.

И вечером... закрываясь в кабинете, он перечитывает старый учебник теорфиза и плачет... плачет...

А за окном падают звезды. Они уже не ждут его.

Глобус – это земной шар, возведенный на пьедестал и низведенный до удобных размеров.

Звездочёт

Дети ночью меняются: страхи, фантазии – все смешивается. Как разные возрасты и миры. Заботливые родители стремятся смягчить этот переход.

Кто-то покупает набор светящихся пластиковых звездочек. Капля клея – и зажигается еще одна звезда на потолке. Не на небе, но все же... Все же кому-то нужны эти звезды. И неважно, что заботливые родители наклеили их дочке вместо ночника: ей не будет страшно ночью.

А у его друга были обои с люминесцентной краской. Выключался свет, и вспыхивали целые созвездия. Классно лежа на полу тянуться к лапам Большой Медведицы.

Комната Софьи Ковалевской была оклеена не обоями, а листами литографированных лекций Остроградского о дифференциальном и интегральном исчислении. Это не специально – просто родители были бедны. Но уже спустя 10 лет она умела интегрировать... Его родители знали про Софью. И знали, чего хотят. И от жизни, и от сына. Поэтому у него каждую ночь над головой были звезды. Но не на обоях, не пластиковые самодурства. Звезды воссоздавал специально заказанный из Японии проектор – мини-планетарий. Все объекты неба

с абсолютной точностью. В результате по ночным сценам из фильмов он мог смело сказать, например, что съемки проводились на пруду около Мосфильма, а не на Средиземном море.

Вскоре он научился правильно нажимать кнопки проектора – и уже сам мог оказаться на берегу Средиземного моря. Ночью. А волны прибоя и привкус соли дорисовывались фантазией. И не нужна была лежащая знойная фигуристая красotka рядом – он был еще маленьким. И не знал, что романтик.

Среди звезд его волновали не столько созвездия, как гигантский светлый шрам через все небо. Папа был очень умным, для взрослых он его называл неярко светящейся диффузной белёсой полосой, пересекающей звёздное небо по большому кругу. Но сыну сказал просто, что он называется Млечным Путем:

– Млечный Путь греки называли galactos. Помнишь легенды про подвиги Геракла? По легенде Геракл Зевсу родила обычная земная женщина. Высшему Богу – обычная смертная. Но даже Богом быть непросто. Зевс захотел сделать сына бессмертным и подложил спящей супруге. Он хотел, чтобы Геракл выпил божественного молока. Но жена проснулась, увидела, что кормит не своего ребёнка, и оттолкнула Геракла от себя. Струя молока брызнула из груди богини и превратилась в Млечный Путь.

– Куда же ведет этот путь, папа?

– На самом деле никакого пути нет, – вздохнул отец.

Он так и не понял, как может не быть самого большого пути, и со словарем выяснил, что шоколадки Milky Way сделаны как раз из Млечного Пути. Он верил, что если их достаточно много съесть, то можно точно узнать – куда же ведет этот путь и как на него попасть.

Пока он каждый день выпрашивал новую шоколадку, папа выдал еще одну страшную тайну:

– Мы все находимся в Млечном пути – это называется Нашей Галактикой. Помнишь, Млечный Путь происходит от греческого слова «galactos» – «молоко». Отсюда же, например, и «лактация».

– Как у галактики может быть два названия? И «Наша» и «Млечный Путь»? Это же... это же звездные путешественники могут запутаться и заблудиться.

Но Папа настаивал на своем:

– Мы уже тут. Уже! И Солнце, и планета, и папа с мамой, и ты сам. Все внутри Млечного Пути!

Но он же снаружи. Получается безумный мир: крокодил из сказки не только проглатывает солнце, а увлекшись сам же кусает свой хвост?

Эта загадка лишила его покоя. Но папа добавил жара звездам: оказывается, Солнце скоро погаснет. И мы все умрем. Мальчик не понимал, что такое 10 млрд. лет. Он еще не знал, что такое 10 лет. Но теперь он знал – впереди нас ждет трагедия. Как дальше жить?

Желание убежать на Млечный Путь усилилось до размеров задачи самовывживания.

Подсмотрев из-за края отцовского кресла фрагмент фильма, он пришел в ужас: там раненый солдат, истекая кровью, держал в руках свои же кишки, в ужасе смотрел на них, не понимая, что делать. Так же в ужасе он смотрел теперь на вселенную. Где он? Где звезды? Где спасение? И где Путь?

Наши детские страхи не уходят. Они лишь погружаются вглубь. Счастлив тот, у кого они глубже дна памяти.

Он вырос. А проектор давно сломался. Он не стал ни астрономом, ни физиком. Его страхи вошли в простую привычку: каждую ночь хоть взглядом поймать Млечный Путь. Если над городом стоял смог или тучи, то он засыпал в грусти. И был особенно счастлив, когда мог засыпать прямо под звездами. Однажды летом, попав в Заполярье, он испытал новый шок, всколыхнувший старые переживания юного астронома. Млечного Пути не было. Вообще – звезд не было! У них это называлось полярным днем. Чувство бесконечного одиночества...

Зато ему пообещали, что зимой звезды будут круглосуточно: хоть обмотрись. А еще и бонус: Полярное сияние. Приезжайте к нам в декабре! Нет уж. Спасибо. Лучше вы к нам.

Сразу захотелось поближе к экватору. Теперь не надо нажимать кнопки проектора. Достаточно самолета. И вот через пару дней он уже засыпает на берегу океана. Голова запрокинута в сторону моря – любимый Млечный Путь, как разрез женских грудей через все небо, заныривает в воду. Звезды повсюду: и в небе, и под ногами в виде морского светящегося планктона. Голова кружится. И не только из-за недостатка кислорода в опрокинутой голове, но и... короче, это надо чувствовать.

Однако на океане не бывает полной тьмы – как не бывает темноты в зеркальной комнате.

Он едет в пустыню. Сухой климат, чистое небо. Он отходит максимально далеко от оазиса. Как Штирлиц, идущий в ресторан Элефат для молчаливого свидания лишь одними глазами. Располагается на ночевку. Гоби нравится ему. Ждет свидания с ней. Но... налетает внезапная буря. Гул... это не ветер – это кто-то грозно что-то ему шепчет. Он не понимает ни по-монгольски, ни язык Духов. Но понимает, что он сам не нравится пустыне и ее хозяевам. Позорное бегство. Свидание провалено. Даже у разведчиков бывают проколы.

Не стоит рвать волосы, на Земле остается еще много мест, где есть Млечный Путь.

В приазовской степи к звездам примешиваются комары. Он лежит где-то на историческом пути казаков за солью. Под ним – Чумацкий шлях. И над ним – Чумацкий шлях.

Но ему и этого было мало. Ноги ведут его высоко в горы. Повыше к звездам. О, какие же они тут! Ни отблески фонарей, ни грязь городов – ничто не затмевает неба. Лишь только тоненький слой атмосферы... Его уже не страшило отсутствие кислорода (а это очень непривычно, когда спичка не может гореть и гаснет в руках), он был готов на все – лишь бы быть чище перед звездами. И вот... в спальнике он лежит и не может заснуть. Глаза закрываются... сил нет. Секунда – и они снова распахнуты!

Так младенец в 2 два месяца борется со сном: организм хочет спать, закрывает глаза, а юному сознанию все вокруг интересно – хочется все рассмотреть и изучить. Улыбаться и радоваться. Но глаза – как непреодолимая внешняя сила, закрывают все самое интересное. Ребенок еще не осознает, что через несколько часов будет снова интересно и весело. А сейчас ему кажется, что мир кончается. Он еще не умеет страдать и плакать, но уже познает первое бессилие: мир оказался прочней. И вот глаза закрываются.

Так и тут – нет сил ни спать, ни не спать. Если не спать несколько суток – то можно поехать головой. Пожалуй, в тундре в полярную ночь он бы и сошел с ума. В горах он засыпал только по рассвету. Он сильнее младенца.

А пока что морозной ночью он лежит на поверхности Байкала. Ветер разогнал весь снег. Прозрачный лед. Вглядываешься через него. Видно дно. Рельефное, играющее бликами словно звезды. Кажется, руку протяни – и дотянешься. И не страшно. И никаких морских чудовищ пока что нет. Так и небо. Непонятно, верх это или низ. Бесконечно глубоко. Глубже памяти – на дне можно рассмотреть страхи детства. Протянуть к ним руку. И почувствовать, что страхов нет. Все. Пора возвращаться в мир. Со своей находкой.

Город. Теперь он стал тем маленьким мальчиком. Но вместо проектора он продырявил множество отверстий в подсвечнике. Они отбрасывают на стены и потолок лучики новых звезд. Получившаяся карта не соответствует ни Москве, ни Средиземному морю. Это его карта. Его небо. Каждый сам создает свою Вселенную. Нужно лишь шило. Хотя бы в жопе...

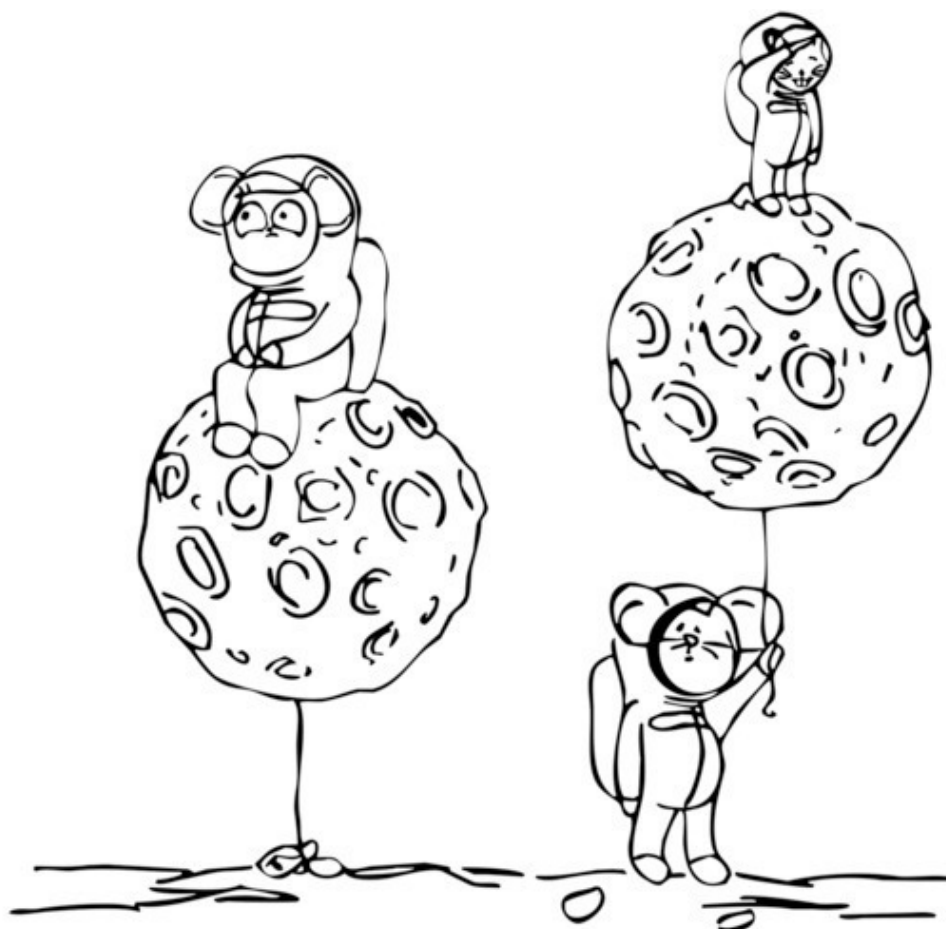
Будущее – это не то, куда мы идем, а то, что мы создаем.

Из ресторанов в космос не летают

Они учились в одном классе, оба были романтиками. Потом один стал биологом – живое притягивало за живое. Второй с тех пор называл его исключительно «биолох». Ибо знал, что притягивают массивные тела, особенно звезды. И пошел учиться профессионально звездам. Нет, не на продюсера во ВГИК. А что? В МГУ даже целое направление есть «на Астрономов».

Не все на звезды смотрят только из любви, некоторые за это еще и деньги получают. А деньги иногда очень полезно просто пропивать. Для кармы полезно. А доктора говорят, что все полезно делать регулярно.

И вот они в ресторане. Ах, знали бы вы, как пьют Астрономы! Профессионально: до звезд! А с утра, чёрные дыры в глазницах. Биологи тоже молодцы, каждый второй до зеленого змия умудряется, это даже при том, что не специализируется на пресмыкающихся.

Когда первый графинчик был пуст, материализовался вышколенный официант:

– Чего изволите?

– А подай-ка нам, сударь, признаки жизни. – повернувшись же к другу, продолжил, – Вот ты со своими крысами даже мира не видишь, что говорить о высшем? Мы тут рассмотрели галактический мост – не все мосты прочные.

– Как радуга?

– Ну не настолько.

– Как струя из шланга при поливе?

– Именно! Так и соединяет невидимая струя Магеллановы облака. Просто Большое перетягивает в себя целые звездные системы из Малого.

– Постой, как это перетягивает? Ты рассказывал, что черные дыры поглощают...

– ну не настолько... это как познакомился ты с девушкой... затянуло тебя в её дыру, и все – поглощен, женён, конец. А может переспал даже, но контроль не потерял и на свободе... ну почти... и на твоём стремительном пути в ЗАГС появилась другая звезда навстречу. И... не заметил как – уже в новом полете. А она, не дай Бог, в залете...

– Романтика в тебе какая-то потребительская!

– Что ты понимаешь в романтизме? Недавно Вселенский дипольный отпугиватель смоделировали! Только астрономы способны на такие красивые названия для своих занятий. И название красивое, и вселенную удерживает от коллапса – отталкивая галактики при разлете. Не то что у тебя: вид крысы, род грызунов, семейство мышей – ну и адрес.

– Скажите номер вашей планеты в центурии или хотя бы номер галактики в спирали?

Вынужденный сосед по барной стойке не выдержал:

– Там, в космосе, чёрные дыры затягивают пространство, сверхновые – взрываются, звезды гаснут, рождаются и умирают галактики, а мы тут просто так сидим и бухаем. – Взял портфель и пошел вон.

Астроном, видимо, потерял мысль:

– Действительно, что мы тут спорим?

– Истина, как и грибы, размножается спорами.

– Ты там в своих чашках петри насмотрелся на грибки, видать! До истины нам не докопаться. Она в небе, а не на стенках пробирок для анализов.

– Мдам... нам до седьмого оставалось всего одно небо. Но мы явно ошиблись адресом.

– Какой же наш адрес?

– Я помню, как в Звездных войнах: где-то в далекой Галактике....

– Вот-вот: в одной из Вселенных, в Галактике Млечный Путь, в левом рукаве, а не у Христа за пазухой, задрипанная звездочка образует Солнечную систему. Будешь пролетом, загляни на третью орбиту: там мы и встретимся...

– Я начинаю выходить из себя...

– Подожди, я с тобой!.. – астроном попытался спасти друга, – так вот, мы мелки, как звездная пыль. Мы ничто, сметенное нерадивым уборщиком в угол коридора. И скучно и мелко, и некому тензор взять...

– А мне нравится пыль, звездная пыль под сапогом... Вот ты со своего полета... посмотри:

Где-то на краю далекой галактики, в одной из вселенных, в никудышной звездной системе, на ординарной орбитали, если расступятся облака, можно разглядеть блеск воды океанов, а рядом на песок белоснежных пляжей выползают ихтиандры и превращаются вначале в крыс, а потом в людишек. И мне не скучно.

И... поверь, тому, кто создал эти твои и мост и отпугиватель, Ему часто скучно среди твоих бездушных звезд, и когда особенно тоскливо от величия и пустоты вакуума, он раздвигает облака и смотрит, как на песке играют звездные пылинки...

Проехали!

Один мальчик был неоригинален в своих детских мечтах: как все – он хотел в космос. Только вот сверстники готовились стать героям киноэпопеи Звездные Войны. Они были уверены: раз Чубака летает, то они уж тем более смогут. А он тянулся за Гагариным.

Папа еще не освоил хитрости педагогики:

– Сначала надо вырасти!

Но он не хотел ждать.

– Ок, вот тебе не коробок, а целый короб спичек.

– Он что, взлетит?

– Надо отделить головки с серой. Это будет топливо. Тогда и сделаем ракету.

Он учился терпению. Отрезал секатором спичечные головки: одну – легко, но медленно, а пять уже не ухватить пальчиками так, чтобы получилось ровно.

– Ключ на старт! Зажигание! Нет подъема...

Ракета не взлетела.

– Ну ничего, все большие ракеты поначалу взрывались на стартовом столе. Видишь, ты оставлял спичечную основу – удельная плотность энергии недостаточная, сам прикинь калорийность. Держи скальпель, надо спички соскабливать.

Коробки тут уже не хватит. В дело пошли коллекционные блоки спичек с красочными этикетками. В дело пошло все терпение и каникулы.

И не одни. Каникулы – время для романов с девочками, рассказов про космос, и новых идей, как запустить ракету. Летом много времени, и достаточно идей, особенно когда в школе добавились химия и физика.

– Ключ на старт! Зажигание! Есть подъем!

Ракеты стали мощнее взлетать и ярче взрываться, так и не добравшись до космоса.

Ракету сложнее увидеть в небе, но можно почувствовать её вибрацию. Он любил прислушиваться. И постоянно чувствовал. Словно попал в мир своих любимых фантастических романов: старты, пуски, космические дальние бои – вся Галактика рядом.

Шизофрения или сверхчувствительность? Лишь один взрослый понимал его. Странный прохожий. Нет, не педофил. Тоже романтик (в детстве это нормально, а вот взрослый романтик – подозрительная редкость). Он рассказал про мерности и измерения, про космонавтов прошлых тысячелетий и цивилизации, покинувшие нас. Но не все они канули в землю. Некоторые улетели, а другие просто соскользнули в другое измерение:

- Они тут, просто другие люди их не видят.
- Как радиоволны?
- Очень удачное сравнение!
- Получается, у меня просто нет приборов, чтобы увидеть?
- Прибора хоть и нет, но даже волны некоторые способны видеть без приборов – лучший инструмент собственное тело. Его тоже можно развивать.

Трудно, даже невозможно это объяснить другим. Вот незнакомец и общается с малышом.

Но не все малыши доверчивы. Школа теперь не прививает критическое мышление, так что – спасибо папе. Мысли первых размышлений были безутешны: для космоса мало хорошо

учиться. Просто умных не берут в космонавты. А чтобы стать сильным – надо драться. Так он и рос: ракеты между кулаков – взлеты от апперкотов, падения об асфальт.

Ключ на старт! – Минутная готовность – Протяжка один! – Продувка! – Ключ на дренаж! – Протяжка два! – Зажигание! – кабель-мачта – Предварительная! – Промежуточная! – Главная! – Есть подъем!.. десять секунд – полёт нормальный, тангаж, крен, рысканье в норме...

Эти слова врезались в его память, как «Отче наш». В том возрасте он думал, что всё это сплошь военная тайна, потом думал, что это индуистские заклинания или буддистские мантры.

Поэтому он поступил в физический институт. Казалось, он вплотную приблизился к тайне, красной нитью прошедшей через всю жизнь. Но в 21м веке институт из кузни научного оружия превратился в оплот свободомыслия. Преподаватели говорили что хотели и прививали то же самое студентам:

– Все в прошлом, ребят, не расстраивайтесь, но смиритесь: вы – бывшее будущее нашей космонавтики. А в настоящем мы приехали к жалкой доле в 0,5% от рынка космических услуг и продолжаем падение, как третья ступень очередного взорвавшегося Протона.

Мдам... не о том он надеялся услышать, поступая в институт. Но лектор не читал его мысли:

– В 40-е был еще один оператор этих самых услуг: Нацистская Германия. Надо признаться, что именно они-то теории Циолковского воплощали и в металл и в реальность.

Лектор вывел график их работ:

1942 —первый полет, отрыв от земли

1943 – управляемые пилотами ракеты: Лондон гудбай!

1944 – пилотируемый суборбитальный полет

1945 – пилотируемый полный виток на орбите

1946 – выход пилота в открытый космос

1947 – автоматический корабль долетает до Луны

1949 – первый ариец на Луне

– И знаете, не победи русский народ фашизм, видимо, мы были бы на Луне, пусть и грузчиками в концлагере. По-настоящему, не в бутафорских экспонатах Голливуда, не в спускаемом модуле из фольги и спорах на следующие 50 лет: «что же они там такого увидели, что свернули всю программу?» В общем, без вопросов «а был ли мальчик?» Немцы умели держать график. Так что, понимаете? У нас хоть была история. А немцев и ее лишили на корню. В детстве. Отнять игрушку и у пятилетнего мальчика – свинство. А отнять мечту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.